

Латвия: этнополитическая напряженность

Диана Сазонова

В Латвии переломная точка в отношениях государства и этнических групп наступила в конце 80-х – начале 90-х годов, когда после обретения независимости большое внимание уделялось определению статуса латышей и латышского языка. В результате проводимой этнополитики в стране резко изменился и статус латышей как этнической группы, и статус русских и русскоговорящих жителей. Это обусловила, во-первых, проводимая Латвией языковая политика, согласно которой единственным государственным языком был объявлен латышский, а также политика в области гражданства, в соответствии с которой латыши получили гражданство автоматически, а большей части русских и русскоязычных жителей Латвии было предложено получить гражданство путем натурализации.

В случае с Латвией важно и то, что после обретения независимости в 1991 г. произошла смена иерархии социолингвистических групп. Этот процесс оказывает влияние на формирование этнических отношений и стратегии ослабления этнополитической напряженности.

Исторически Латвии был отведен небольшой период государственности, страна была фактически независимой несколько лет – с 1918 г. по 1940 г.

До 1198 г., территория страны принадлежала тем, кто дал основу латышскому этносу, то есть балтийским и угорским народам.

Затем начались крестовые походы.

В 1201 г. Епископ Альберт откупил территорию современного центра Риги у местных племен и заложил город, который вошел в состав Ливонского государства.

В XVI в. начался передел Европы, и соседи разделили территорию Ливонского государства.

В 1610 г. в Латвию пришли поляки, пробыв на ее территории примерно 60 лет до начала польско-шведской войны.

Затем место поляков заняли шведы, которые пробыли на территории Латвии 90 лет.

В 1710 г., во время правления Петра I Латвия вошла в состав Российской империи, и только Первая мировая война дала латышам независимость¹.

Серьезным фактором, формирующим восприятие истории, является то, что право на национальное самоопределение латыши получили только в XX в.

Даже сегодня латыши ощущают себя меньшинством в собственной стране и идентифицируют себя с жертвами истории. Сам ход истории, в особенности период пребывания в составе Советского Союза вызвал в латышах неуверенность в сохранении собственной идентичности и сформировал негативное отношение не только к русскоговорящим, но и к другим этническим группам.

Декларация независимости 4 мая 1991 г., распад Советского Союза и обретение независимости в 1991 г. для большинства латышей означали возвращение родины, а для многих русских и русскоговорящих в странах Балтии – ее потерю. В политическом и юридическом плане русскоязычные стали чужаками в стране проживания. После распада Советского Союза не стало оснований для существования понятий “советский народ”, в то время как многие русскоговорящие идентифицировали (и до сих пор идентифицируют) себя с советскими людьми, что обусловило соответствующее восприятие ими истории. Для латышей (особенно тех, кто ходил в советские школы) советское прошлое нередко было важной частью для формирования собственной идентичности. Неоднозначная трактовка некоторых вопросов истории оказывает существенное влияние на этнополитическую ситуацию в стране.

Развитие латвийского общества тормят различия в понимании и трактовке исторических событий. Драматические события в истории Латвии XX в. манипуляции ими в пропагандистских целях и сегодня порождают проблемы, которые имеют влияние на этнополитическую ситуацию в стране.

В современном латвийском обществе история воспринимается в черно-белом цвете. При этом многие латыши и русские считают, что “официальная линия” – это этноцентристская трактовка истории, которая появилась в конце 80-х – начале 90-х годов. Негативное отношение к такой трактовке исторических событий испытывают как русскоязычные, так и часть латышей (чья семейная история не укладывается в ныне “установленные” исторические рамки). Однако важнейшей причиной этнической враждебности остается отождествление истории XX в. с рус-

скими жителями Латвии. Часть латышей во всем обвиняют исключительно русских и одновременно считают латышский народ жертвой. Русскоязычные жители Латвии, в свою очередь, в большей мере полагают, что таково мнение всех латышей.

Понятие “оккупация” в его современном звучании берет начало в июне 1988 г., когда Маврик Вульфсон, известный политик, профессор, впервые поднял вопрос о пакте Риббентропа-Молотова и секретных протоколах и публично заявил, что в 1940 г. Советский Союз незаконно оккупировал Латвию.

Понятие “оккупация” обусловило движение к восстановлению национальной независимости и стало поэтому серьезным орудием политической борьбы. По мере вхождения этого понятия в политический оборот развивались идеи восстановления дооккупационного статуса кво и требование предоставить латвийское гражданство только гражданам Латвийской республики и их прямым потомкам.

На передний план вышла проблема определения: кто есть оккупант и кто виноват в “оккупации”?

На демонстрациях и в публикациях оккупантами называют всех русских. Особенно болезненно это было для тех русских, чьи семьи издавна жили в Латвии, а сами они были гражданами еще Латвийской республики или их потомками. Понятие “оккупация” – одно из самых проблематичных в современной Латвии.

В Латвии был открыт музей оккупации, посещение которого вошло в программу визита Королевы Великобритании (17 октября 2006 г.).

Неразрешимость отдельных вопросов общей истории Латвии и России разделяет общество и по-прежнему используется как орудие политической борьбы. Официальные лица Латвии

упорно повторяют, что Россия должна признать факт оккупации, чтобы отношения двух стран потеплели. Стремление переложить ответственность на противоположную сторону, нежелание признавать собственные ошибки, недостаток научно обоснованных исследований – все это препятствует формированию объективного взгляда на политическую ситуацию в Латвии.

Политика президента Латвии Вайры Вике – Фрейберги получила много нелестных отзывов со стороны России и некоторых европейских “соседей”, создавая имидж Латвии как маленькой, самостоятельной, но скандальной страны.

Для россиян Латвия превратилась из страны, где есть Домский собор, фестиваль в Юрмале в обитель зла, где закрывают русские школы и всенародно чувствуют ветеранов СС.

Согласно опросу, проведенному в мае 2005 г. Центром Юрия Левады, 49% россиян в то время считали Латвию главным врагом России².

Латвийский бизнес отстраняется от национальных, языковых и гражданских проблем.

На долю малого бизнеса в стране, по данным президента Конфедерации малых и средних предприятий Эрика Розенцвейга, приходится 65% ВВП и почти три четверти рабочих мест, в основном, в сфере услуг и торговли.

В 2005 г. Латвия занимала последние места по уровню развития экономики среди стран ЕС, однако, уже в следующем году Латвия обошла Польшу, а после вступления Болгарии и Румынии, поднялась сразу на два пункта вверх.

Латвия выбрала модель *открытой экономики*, допустив на свой рынок западный капитал.

Экономика “подпитывается” миллиардами ЕС и масштабными инвестициями частных компаний практически во все отрасли.

Однако, по словам профессора экономики Академии наук Латвии Райты Карните, “у Латвии нет экономической независимости, на базе зависимых предприятий экономической независимости не бывает”³.

Основные демографические процессы: старение населения, смертность, а также массовая миграция в ЕС – усложняют экономическую ситуацию в стране. Люди, получившие паспорт ЕС, обрели возможность работать в Великобритании, Швеции, Финляндии. Те, кто работает за пределами Латвии, привозят в страну свыше 300 млн. латов, эти суммы подстегивают инфляцию. Потенциально слабые места латвийской экономики: инфляция – 9,5% на июль 2007 г., максимально высокий показатель среди стран ЕС; высокий дефицит текущего счета; угроза “перегрева” экономики – сдерживают переход страны в еврозону, который был назначен на 2007 г., но отсрочен до 2013 г.

По мнению главы аналитической группы по суверенным рейтингам агентства *Fitch Ratings* Девида Хеслама, “позитивный эффект, который потенциальное членство Латвии в еврозоне оказывает на госфинансы, уменьшился”⁴.

Главной проблемой российско-латвийских отношений сегодня является положение русского и русскоговорящего населения.

В момент обретения независимости в Латвии проживало более 900 тыс. русских и 1 млн. 122 тыс. русскоговорящих (34% населения).

Большое число постоянно живущих там русских лишено права участия в выборах. Темпы натурализации русскоязычного населения не увеличиваются, а падают.

Только в Латвии количество неграждан (выходцев из России и других бывших советских республик) составляет 22% – около 500 тыс. чел.

Не устранены различия в социальных правах, запреты на профессии для неграждан. Серьезное беспокойство вызывает свертывание преподавания на русском языке.

В 1999 г. был закрыт последний латвийский вуз с обучением на русском. Сокращается число русскоязычных школ и предметов, которые преподаются по-русски. Этот процесс представляется необратимым.

В исследовании "Этнополитическая напряженность в Латвии: поиски путей разрешения конфликта", проведенном Балтийским институтом социальных наук, утверждается, что в Латвии этническая напряженность проявляется как лингвистический конфликт⁵.

Действительно, проблема русского языка в Латвии является одним из факторов этнополитической напряженности.

"Главная и единственная цель происходящей замены русского языка в процессе полного перехода на латышский – политическая: укрепить позиции латышского языка за счет других языков. Перевод школ на обучение только на латышском языке – средство усиления такого национального государства, каким его хочет видеть правящая элита", считает И.Пименов – председатель правления Латвийской ассоциации в поддержку школ с обучением на русском языке (ЛАШОР)⁶.

Согласно исследованию, проведенному Балтийским институтом социальных наук, в отношении двуязычного образования существуют диаметрально противоположные точки зрения. Взгляды партий правящей коалиции противоположны взглядам партий, защищающих права национальных меньшинств. Первые недовольны медленным, как им кажется, ходом реформы и рекомендуют не отступать от записанных в законодательстве норм об обучении с 2004 г. в основном на латышском языке.

Оппоненты резко критикуют такую позицию.

Данные опроса свидетельствуют о том, что переход средних школ с 2004 г. в основном на латышский язык обучения поддерживают 41% школьников, 42% – родителей и 50% директоров школ⁷.

Такое мнение обусловлено недостаточной подготовленностью школ, слабым знанием учителями латышского языка и методик двуязычного образования, нехваткой учебных пособий.

Отрицательное влияние на знание родного языка оказывают изменения, внесенные в учебные программы.

Основной причиной этнополитической напряженности в Латвии является несогласие по вопросам этнополитики, а именно недовольство нелатышей проводимой государством этнополитикой. С точки зрения анализа динамики этнополитических конфликтов, в Латвии имеют место признаки статусного институционального конфликта.

По мнению, специалиста в области этнополитической конфликтологии А.Р.Аклаева, в этих конфликтах "непрерывно присутствует этнический фактор", и мобилизация идет по этническому принципу⁸.

Сегодня в Латвии этнополитическая напряженность находится в "стадии конкуренции", для которой характерен конкурирующий конфликт отношений между латышами и русскоязычными. Произойдет ли эскалация конфликта и перерастет ли он в "стадию прямого конфликта", когда направленные на сотрудничество отношения рушатся, и с обеих сторон институализируются конфликтные отношения, в наибольшей мере, определит именно поведение политической элиты – то, в какой степени политическая элита будет эксплуатировать этнические вопросы.

Следует отметить, что при определенных условиях – например, если в одной или другой группе ощущение эт-

нической угрозы существенно усилится – в Латвии возможно обострение конфликта и возникновение этнополитического кризиса.

Среди факторов, которые снижают вероятность такого сценария – то, что в Латвии этническая напряженность проявляется как лингвистический конфликт, который зачастую не способствует дальнейшей его эскалации. Однако фактором обострения напряженности этнополитической ситуации является поляризация взглядов латышей и русскоязычных на государственную этнополитику, которая отражает восприятие и формирование отношений к власти у обеих языковых групп.

Согласно результатам некоторых социологических исследований, проведенных известным этнографом профессором Илзе Апине в 1998–2004 гг., а также по данным статистики и работам других исследователей, изданных в Латвии и за рубежом, можно выдвинуть предположение, что в независимой Латвии начался процесс формирования новой идентичности русского населения на фоне сложной этнополитической ситуации.

Русские – самая крупная этническая группа в составе населения после латышей. Меньшинство русских составляют потомки старожилов, большинство – переселившиеся после войны.

“Русское присутствие” на территории Латвии – древнее, но до конца XVII в. статистически незначительное. По мере прибытия гонимых на родине староверов стали возникать островки русских крестьянских поселений.

В XVIII в., когда Латвия вошла в состав Российской империи, начала складываться своя, местная русская культурная среда.

В период независимости после Первой мировой войны в Латвийской республике проживало 210 тыс. русских. Местное русское население затем было поглощено потоком советской миграции 1950–1980 гг.

Сложился социальный облик русского жителя крупных городов, тесно связанного с промышленным производством.

Характер взаимоотношений латышского и русского населения в независимой Латвии был относительно мирным, без острых конфликтов⁹.

После 90-х годов было издано много статей и трудов в России, на Западе и в Латвии, посвященных психологическому шоку и ломке сознания русских, оказавшихся после распада СССР, с резко изменившимся статусом в новых национальных государствах.

Известный латвийский политолог Э.Вебер считал, что “у русских полностью пропала собственная идентичность”¹⁰.

Противоположной точки зрения придерживается И.Апине, по ее мнению, у русских идентичность “вызревает”. У них происходит дистанцирование от перипетий в России, вращение в местную среду с ее образом жизни.

Однако процесс вызревания новой идентичности и одновременно интегрирование в латвийское общество тормозят объективные внутренние политические и экономические причины.

Русских и латышей разделяют не столько этнические особенности или специфика культуры, сколько 5–6 вопросов политической истории, связанные с оценкой последствий советского периода в Латвии.

Свою роль играют также психологические комплексы русских, сложившиеся уже в постсоветское время, а также особенности характера и образа жизни, унаследованные от прежних поколений. Идентичность “мы” тормозит интеграцию. Вместо того чтобы искать индивидуальные пути для себя, прилагать личные усилия для быстрой натурализации, в русской среде можно встретить с намерением ждать, когда появятся для всех какие-то послабления в законе о гражданстве. Ориентация на справедливость, а не на законы

порождает стремление оспаривать законы, а не строить свою жизнь соответственно этим законам.

Обе части латвийского общества – и латыши, и русские в 90-е годы, преодолевали каждая свой тип кризиса идентичности. Общим для всех стало приспособление к рыночной экономике и другим реалиям капитализма.

Латыши, испытывают комплекс малых народов и с трудом преодолевают самоощущение меньшинства на собственной исторической родине и тревогу за будущее латышского языка.

Русские, считая несправедливыми законы о гражданстве и государственном языке, испытывают отчуждение от государственных структур.

Признавая, что для этих психологических комплексов есть реальные причины, необходимо подчеркнуть, что ситуация в XXI в. меняется, а комплексы остаются на уровне 90-х годов. В Латвии отчасти вина ложится на состояние общества, а также на журналистику. Газеты на обоих языках любят тиражировать негативные явления. В результате негативные стереотипы закрепляются, и сохраняется состояние тревоги в обществе.

В условиях глобализации, увеличения миграционных потоков расширяется диапазон исследований проблем диаспоры во всем мире.

Американский ученый Давид Д. Лейтин, выступая на международной конференции (Рига, 2004 г.), сделал вывод о “декосмополитизации русских в Балтии и о том, что здесь складывается сильная русская диаспора со многими факторами поддержки”.

Профессор Калифорнийского университета Роджерс Брубейкер выдвинул концепцию “национализма страны – родины”, о том, что притязания и влияние этнической родины на своих соотечественников в стране проживания – постоянно действующий фактор¹¹.

Применительно к Латвии, влияние России нередко усиливает дух соперничества в русской среде, агрессию к стране проживания и не способствует интеграции.

Главным определяющим фактором в развитии идентичности, в конечном итоге, является выбор индивидуума и всей этнической группы.

Имеет смысл провести границу между понятиями “диаспора” (группа в рассеянии) и “национальное (этническое) меньшинство”.

Диаспора психологически тяготеет к прежней родине, а национальное меньшинство интегрировано в страну пребывания и обретает новую идентичность.

Этот выбор стоит перед индивидуумом, а общий результат отражается на состоянии всей группы. Ведь речь идет о новой идентичности, а не о восстановлении той, которая была у русских старожилов в довоенную эпоху. Та идентичность ушла в небытие вместе с эпохой. У русской общины нет опыта и традиции полноценной интеграции в латвийское общество в современном понимании. Одновременно с внутренней интеграцией происходит и внешняя, связанная с вхождением страны в ЕС. Внутренний фактор, содействующий интеграции и помогающий вызреванию новой идентичности русских – система негосударственных, общественных организаций.

По выражению Валтерса Щербинского, профессора политологии Рижского университета им. Страдзиньша, в Латвии существуют два параллельных мира – русский и латышский. Однако, по мнению Роберта Сондерса, доцента Государственного университета Рутгерса (штат Нью-Джерси), на сегодняшний день появляется возможность говорить о расширении этих миров. Сейчас латвийское население в смысле гражданства весьма “разноцветное”.

Есть и граждане латыши, и неграждане нелатыши, а также граждане нелатыши и неграждане латыши, хотя последние встречаются реже. При этом все группы могут быть представлены в одной семье. Латыши и русские существуют параллельно, что им не мешает иметь друзей другой национальности. В Латвии появляется, помимо “мира” латы-

шей и “мира” русских, “мир” глобалистов, представители которого не связывают свою этническую идентичность с характеристиками конкретной территории. В силу своего независимого от политики положения, представители “мира” глобалистов пользуются дивидендами открытой экономики и открытых границ в рамках ЕС¹².

Национальный вопрос в Латвии остается все же нерешенным. Каждое этническое сообщество имеет четыре пути развития:

- *первый* – полная ассимиляция,
- *второй* – автономия до полного разделения госфункций,
- *третий* – европейская модель: этническое происхождение не имеет значение; космополитизм, мультикультурализм.

В качестве альтернативы доктрине культурной ассимиляции и появилась идея мультикультурализма – признание индивидуальных прав граждан и прав этнических сообществ на поддержание культурной идентичности.

Известные теоретики мультикультурализма Ч.Тейпор, Б.Парекх рассматривали возможность существования групп и индивидуумов разной этнокультурной ориентации в рамках общей политической нации.

Мультикультурализм стал одной из самых дискуссионных концепций политической мысли середины XX в.¹³. Задача разработки этой концепции состояла в том, чтобы мультикультурализм действовал как механизм консолидации и мирного общежития индивидуумов с различной этнической идентичностью.

Выше перечисленные модели сейчас испытывают определенный кризис, но есть *четвертый путь* – новая интегрированная диаспора: она принимает правила игры государства, где находится. В стране есть общее публичное пространство – законы государства, и оно общее для всех, кто проживает в стране. Это единый государственный язык, общее политическое пространство, вокруг вырастает мультикультуральный комплекс – сферы культуры, частной жизни, сфера отношений в семье, и здесь может быть несколько путей построения идентичности.

Задача государства проста – между этническими сообществами не должно быть глухих стен, должен осуществляться культурный обмен, и если не допускать перекосов – сжатия публичного пространства или его экспансии в частную сферу наступает гармония.

На практике такая форма сосуществования может быть достигнута лишь в результате признания равенства этнических меньшинств в экономической, политической, культурной и образовательной сферах. Однако, на сегодняшний день эта установка противоречит интересам правящим кругам Латвии, а потому не реализуется и всячески тормозится, что приводит к этнополитической напряженности.

Примечания

¹ *Сорочинская-Дупате Х.И.* Политический экстремизм в Латвии 1917–2000 гг. История и современность. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2001. С. 78.

- ² Денисова Д., Скрипников С. Витражное окно в Европу // Эксперт. 2006. 25–31 декабря.
- ³ Новости бизнеса. Рига. 2006. 20 ноября.
- ⁴ Коммерсантъ. 20.08.2007. № 148.
- ⁵ Etnopolitiska spriedze Latvija: konflikta risinajuma meklejumi. [http:// www. dialog. lv](http://www.dialog.lv).
- ⁶ Телеграф. Рига. 24.01.2003. № 17.
- ⁷ Зела Б. Анализ процесса внедрения билингвального образования. Рига, 2002. С. 4.
- ⁸ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М.: изд. Дело., 2005. С. 114.
- ⁹ Апице И. Изменение идентичности русских в Латвии // Социс. 2006. № 10. С. 66.
- ¹⁰ Integra cija un etnopolitika. E. Vebera. red. Riga – Jumava.2000.
- ¹¹ Brubaker R. Nationalism reframed. Nationhood and the National Question in New Europe. Cambridge University Press, 1996. P. 4–7.
- ¹² Сондерс Р. Новые русские в Латвии // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. С. 173–174.
- ¹³ Семенов И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 10. С. 60.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**